

— Мама, когда же мы наконец выгоним эту принцессу из дома? — Ванесса посмотрела на мать.
— Я её видеть не могу, она меня раздражает!

— Именно, с какой стати она держится так высокомерно? — Адела тоже была крайне недовольна.

В их глазах Глория владела лучшей комнатой, красивыми платьями и украшениями, которым они отчаянно завидовали. Она жила как принцесса, и это отравляло им всякое удовольствие. А ведь эта принцесса давно уже не пользовалась отцовской любовью — и всё равно держалась так надменно, будто оказывала им милость.

— Закройте рты, сейчас не время для таких разговоров! — Грейс отвела взгляд и прикрикнула на двух дочерей, которые едва сдерживали своё недовольство.

Поначалу её план шёл гладко. Всё в этом доме было в её власти. Азад вообще не интересовался тем, что происходило в семье, — его заботило лишь одно: удобно ли ему будет, когда он вернётся домой.

Благодаря этому она могла под предлогом воспитания тихо и незаметно сжить Глорию со свету. Девочка была доброй, её прежняя мать воспитала её в полном неведении о жестокостях мира, и она во всём видела только хорошее.

Таких детей проще всего обижать. Она даже грубого слова сказать не умела — точно хрупкий кролик, которого и мышь могла бы обидеть.

Но в один прекрасный день всё, что Грейс задумала, пошло прахом. Этот кролик вдруг попытался дать сдачи. Разумеется, у неё ничего не вышло — она была всего лишь невыросшим крольчонком, которого легко было прижать к ногтю.

Но это сопротивление повторялось снова и снова. Словно попробовав крови, она раз за разом расстраивала планы Грейс, и та с ужасом обнаружила, что не может разделаться с ней по-настоящему.

Потому что Азад хоть и не уделял Глории особого внимания, но явные следы побоев и болезни непременно вызвали бы подозрение у этого человека, привыкшего вести дела на рынке. Грейс не могла допустить, чтобы он что-то заметил, — иначе она потеряла бы и положение, и богатство. А быть выгнанной из дома женщиной, вышедшей замуж во второй раз, — это настоящая катастрофа.

Одной ей было бы трудно вырастить двух дочерей. Красивая женщина без опоры, лишившись покровительства, легко может стать игрушкой в руках мужчин. И не только она сама — но и её дочери.

Глория не знала, что ждёт их, если их выгонят, но она явно понимала, что они боятся оказаться за дверью.

Этот маленький кролик, сколько бы ни дрыгал лапками и ни скалил зубки, всё равно оставался дочерью Азада, и он ни за что не выгнал бы её из дома. А вот они — совсем другое дело.

Они были чужими.

— Мама?! — Ванесса изумилась, услышав её окрик.

— Слушайте и слушайтесь: обе ведите себя сдержанно. Если не хотите, чтобы вас выгнали, — не трогайте её пока. — Грейс притянула дочерей к себе и наставительно проговорила: — Вы же не хотите лишиться своих красивых платьев и украшений? Тогда будьте умницами.

— Да, — обе сестры хоть и с неохотой, но согласились.

— Вот и хорошо, мои хорошие, — похвалила Грейс.

— А можно я всё-таки попрошу у неё заколку? — спросила Ванесса. — Она ведь сама обещала мне её отдать.

— Мама... — Адела тоже заколебалась: ей казалось, что красивых украшений у неё непростительно мало.

— Раз она сама отдаёт — берите и благодарите. Но запомните: между вами двумя не должно быть ссор из-за этого. И пока она не отдала — не вырывайте друг у друга из рук. — Грейс строго посмотрела на них. — Слышали?

— Да, мама, я поняла. Я всё сделаю, как ты скажешь, — Адела прильнула к ней и поцеловала в щёку с видом ласковой дочки.

— Я тоже, — Ванесса, не желая уступать, тоже поцеловала мать.

— Вот и умницы. — На лице Грейс появилась улыбка, и она с нежностью обняла их.

За обедом в доме было на удивление тихо. Адела и Ванесса молча ели, лишь изредка бросая недовольные взгляды, но уже не выплёвывая грязные слова, как утром.

Глория опустила глаза и ела. Когда Грейс с мягкой улыбкой отделила ей часть еды, она поблагодарила:

— Спасибо, мама, но я уже почти наелась.

Улыбка Грейс на мгновение застыла, но не исчезла:

— Не хочешь — оставь.

— Спасибо, мама, я пойду к себе. — Глория соскользнула со стула, оправила платье, взглянула на двух сестёр, что сжали ложки, слегка кивнула и повернулась, чтобы уйти.

Лицо её было спокойным. Поднимаясь по лестнице, она приподняла подол — и вправду уходила, как принцесса. Но, ступив на несколько ступеней, она остановилась, услышав из столовой возмущённые голоса:

— Мама, ты только посмотри на неё! Она даже от еды, которую ты ей дала, отказывается!

— Она теперь вообще нас ни во что не ставит! Я её ненавижу!

— Хватит! — В голосе Грейс звучало плохо скрытое раздражение. — Сначала поешьте.

Она тоже не всегда умела хорошо притворяться. По сути, она была всего лишь бумажной тигрицей.

Глория тихо выдохнула. Пальцы, сжимавшие подол, немного разжались; она вытерла о ладонь выступивший пот и неспешно поднялась вверх.

На столе у окна всё ещё лежала раскрытая книга сказок — в ней были записаны прекрасные истории, и Глория, едва взглянув на неё, погружалась в чтение.

Но стоило ей вырваться из этих историй и выйти из комнаты, как вся эта красота будто снова покидала её.

Глория осторожно провела рукой по странице, заложила закладку и бережно убрала книгу в ящик. Лишь после этого она открыла дверь и вышла.

...

— Эй, ваше высочество! — Ванесса громко затопала по лестнице и со всего размаху пнула закрытую дверь.

— Мы пришли за заколкой! — Адела, подражая сестре, с довольной усмешкой тоже пнула дверь. — Открывай скорее!

— Вы не боитесь, что мама услышит? — Голос Глории раздался не из комнаты, а с другого конца коридора.

Адела и Ванесса удивлённо обернулись. Увидев силуэт, стоявший спиной к окну, они самодовольно заявили:

— Она легла спать, ни за что не услышит.

— Быстрее отдай нам заколку. Ты же не собираешься нарушать слово, ваше высочество? — Ванесса задрала подбородок и презрительно улыбнулась.

— Конечно, нет. Я не то что вы — не такая скверная, — спокойно ответил силуэт в конце коридора.

Но это привело в ярость обеих сестёр, привыкших издеваться над ней безнаказанно:

— Что ты сказала?!

— Я сказала, что вы не такие умные, как я думала. — И та, кого они привыкли безнаказанно обижать, ничуть не испугалась их гнева, а произнесла слова, которые их ошеломили и привели в бешенство: — Наоборот — злые и глупые!

— Глория! Я тебя убью! — Грудь Ванессы тяжело вздымалась. Подхватив юбку, она бросилась туда.

— Лучше стой на месте, я тебе лицо разорву! — Адела тоже пришла в ярость. Никто и никогда не смел так унижать её в лицо.

Злая и глупая? Да как эта дурочка Глория смеет говорить такие вещи!

Они бросились туда — и увидели, как силуэт, приподняв подол, поспешно скрылся наверху.

— Стой! — Гнев сестёр вспыхнул с новой силой, но в душе они прониклись ещё большим презрением к Глории, которая только и умела что огрызнуться и убежать.

Мама говорила, что нельзя первой её задирать, но на этот раз Глория сама их задела — и даже отец не встанет на её сторону.

В худшем случае они её побьют, а потом добавят на себе пару следов — и отец станет ещё больше ненавидеть Глорию.

С такими мыслями они добежали до лестницы. Увидев подол, мелькнувший за поворотом, они бросились следом:

— Стой, не беги! Раз уж у тебя хватило смелости обозвать нас — имей смелость не убегать!

Но шаги на лестнице не слушали их. Адела и Ванесса, не раздумывая, помчались наверх.

— О боже, откуда здесь столько пыли? — Адела, ступив на пол верхнего этажа, подняла подол ещё выше.

— Я обязательно разорву ей рот, чтобы она больше никогда не смогла сказать таких слов! — Ванесса пока не обращала внимания на клубящуюся пыль. В полумраке она искала взглядом убежавший силуэт — и, будучи довольно наблюдательной, заметила за тёмной дверью край спрятавшегося платья.

Но на этот раз она не стала кричать. Она хлопнула Аделу по руке и указала ей взглядом. Обменявшись понимающими кивками, обе бесшумно двинулись туда. Приблизившись, они разом рванули на себя подол, и на лицах их отразилась злоба.

Но вопреки их ожиданиям, Глория не заметалась в панике. Ткань легко поддалась, не встретив сопротивления, так что обладательница красивого платья на миг потеряла равновесие.

Однако это покачнувшееся тело не успело устоять: толчок в спину заставил их тяжело рухнуть на пол, перепачкав платья в густо поднявшейся пыли.

— О боже! Моё платье!

Кто меня толкнул?!

Обе вскрикнули почти одновременно. Они попытались подняться — и в полосе света, падавшего из-за двери, увидели отражённый силуэт.

— Глория!!! — Ярость Ванессы достигла предела. Она в бешенстве обернулась, опираясь руками о пол, и посмотрела на Глорию, стоявшую в дверях и свысока взиравшую на них. В голове пронеслась тысяча способов, как её убить.

Но в следующий миг дверь, сквозь которую ещё пробивался свет, с грохотом захлопнулась перед её искажённым злобой лицом.

Свет исчез. Обе сестры на мгновение застыли в шоке и растерянности. А когда дверь щёлкнула и воцарилась тьма, они почти инстинктивно, с онемевшими от ужаса головами, поползли к двери.

— Открой!

— Глория, что ты задумала?!

— Быстро открой дверь, ты не боишься, что отец тебя накажет?!

— Открой!!! Я приказываю тебе открыть!!

Дверь ходила ходуном от ударов, но снаружи не раздавалось ни голоса. Наоборот, слышался звук задвижки, а затем — удаляющиеся шаги.

— О! Нет, Глория, ты не можешь так поступать!

— Выпусти меня!

— Я тебе лицо разорву!

Они кричали, но снаружи не было ни звука в ответ. Глаза постепенно привыкли к темноте — свет пробивался сквозь щели в дереве, и можно было хоть что-то разглядеть.

Но лучше бы они ничего не видели!

— А-а-а!!! Мышь!!! — Ванесса с плачем закричала от страха.

Но и сестра не могла её защитить — ей тоже было ужасно страшно:

— Помогите! Мама! Спасите меня!

Они кричали до хрипоты, изо всех сил пытаясь выбраться отсюда, но никто не отвечал. Лишь метавшиеся крысы заставляли их подпрыгивать на месте, не давая ни упасть, ни остановиться.

— Окно! Можно открыть окно?!

— Нет!

— Это точно Глория! Я её убью!!!

— Эта мерзавка! Я разорву её платье и вышвырну голой на улицу!!!

Отчётливые голоса из комнаты на чердаке донеслись до лестницы. Глория, тихо стоявшая там, опустила глаза, подхватила подол и спустилась вниз.

Послеполуденный дом был тих. Возможно, потому что все только что поели. Хозяйка дома предавалась сну, сохраняющему её красоту. Служанки, убрав посуду, тоже дремали по углам. Даже лошади в конюшне предпочитали держаться в тени и после корма ложились полулёжа.

Птицы уже не щебетали так бойко, как утром. И хотя в такой тишине очень хотелось вздремнуть, Глория сидела у окна и спокойно читала. Она ещё не знала всех иероглифов, но даже если не всё понимала, истории были настолько увлекательны, что захватывали дух.

Она не заметила, сколько страниц перевернула, когда крики снаружи прервали её мысли.

— Адела, Ванесса, где вы играете? — Это был голос Грейс.

Он звучал не особенно встревоженно — скорее сонно, как у человека, только что поднявшегося после дневного сна.

— Вы не спали?

— Нет.

— Скорее найдите их!

Но эта праздность длилась недолго. В дверь Глории постучали.

— Войдите, — отозвалась Глория. Увидев на пороге мачеху, она спросила: — Мама, что-то случилось?

— Ты не видела Аделу и Ванессу? — Грейс обвела взглядом комнату и, не заметив ничего подозрительного, спросила.

— Нет, я с обеда сижу у себя. — Глория говорила тихо. — А что с ними?

— Они куда-то пропали. — Грейс закрыла за собой дверь и с тревогой распорядилась: — Ищите! И проверьте, не увёл ли их кто-нибудь из дома!

— Хорошо, госпожа. — У служанок тоже появилась тревога в лицах.

Спокойные поиски превратились в громкие крики, в каждом из которых слышалась тревога.

В душе Глории было что-то похожее на злорадство, но вместе с тем — и зависть. Ведь когда она в детстве играла с мамой в прятки, та всегда искала её с большой тревогой.

А ведь они были товарищами по несчастью, им следовало бы ладить. Но всё обернулось так скверно.

Для Глории этот дом был большим, но найти двух детей оказалось нетрудно. Когда раздались громкие рыдания, Глория поняла, что их нашли.

— Уа-а-а!!! Мама!!!

— Там крысы, много крыс! Я так испугалась!

Они плакали и кричали, будто в них было безмерно много страха и обиды. Грейс изо всех сил утешала их.

Снаружи царил хаос, но в комнате было тихо. Однако этот хаос приближался. Дверь с грохотом распахнулась — и пальцы Глории, лежавшие на книге, слегка сжались. Она посмотрела на разъярённую мачеху и двух чумазных, жалких на вид сестёр.

— Мама, это она нас заперла! — Ванесса с покрасневшими глазами указала на неё.

Грейс, тяжело дыша, яростно шагнула в комнату. Но когда её фигура приблизилась, Глория подняла глаза и произнесла:

— Если вы не хотите, чтобы вас выгнали, лучше меня не трогайте.

Занесённая для удара ладонь замерла в воздухе. Боли не последовало. Оцепеневшее тело Глории немного расслабилось. Она подняла взгляд и увидела Грейс, всю дрожавшую мелкой дрожью.

Трудно было представить её в таком жалком виде. Гнев заставлял её всю сотрясаться, но даже так ладонь не опустилась. Она лишь смотрела с яростью, и её прерывистое от гнева дыхание никак не могло успокоиться.

— Ну, погоди! — Она опустила руку, бросила эту угрозу и повернулась.

Пальцы Глории, сжатые в кулак, слегка разжались.

— То, что вы причинили мне, я сполна верну Аделе и Ванессе!

— Смеешь?! — Грейс в изумлении обернулась, но, встретив прямой взгляд девочки, лишь беспомощно сузила зрачки.

— Смею, — твёрдо ответила девочка.

Грейс почувствовала, что дело становится опасным и выходит из-под контроля. Глория не только обнаружила то, чего она боялась, но и нашла её слабое место — а она не могла ничего с ней сделать.

Нет, надо потерпеть. Всего лишь ребёнок. Если у неё получилось один раз, получится и во второй. Это была просто ошибка.

— Что ж, посмотрим, — Грейс сдержала дрожащее дыхание и вышла за дверь, с грохотом захлопнув её.

Крики и распоряжения о купании удалились. Только тогда Глория глубоко выдохнула и, дрожа, обхватила себя руками.

Она тоже вся дрожала — вместе с дыханием, которое невозможно было сдержать. Но она справилась.

Грейс вовсе не так страшна. Адела и Ванесса вовсе не так страшны.

Слёзы градом покатились из глаз. Глория, дрожа всем телом, плакала и не понимала почему. Ведь ей не было больно — просто хотелось плакать.

...

Ночь в доме Глории выдалась шумной. Ссоры, крики, плач не прекращались. У каждого была своя версия.

— Папа, это она заперла меня и Аделу на чердаке, там крысы!

— Папа, это не я, я всё время сидела в комнате и не видела их.

— Она врёт! Она сказала, что мы злые и глупые!

— Если я вас обозвала, как же я вас заперла на чердаке?

— А всё потому...

— О, там было платье Глории, и я подумала...

— Адела и Ванесса обе брали у меня платья. Мама, вы снова хотите обвинить меня, как в прошлый раз?!

— Глория, что ты такое говоришь?!

— Разве в прошлый раз вы не нарочно оставили следы на теле Аделы и Ванессы, чтобы всё скрыть?!

— Дорогая, я никогда такого не делала, мне незачем...

— Все замолчите!!!

— ...

— Похоже, у Азада неважное настроение. Видно, ты доставила ему немало хлопот, — красивый юноша от нечего делать подбрасывал золотые монеты и ловил их одну за другой, хваля с улыбкой.

Но когда его взгляд встретился с улыбающимися ему при свечах глазами, движение руки прервалось. Одна монета сорвалась и покатилась по кровати — и её подхватила рука человека, сидевшего в кресле у постели.

— Почему ты так на меня смотришь? — Эммед, встретив этот взгляд, почувствовал, как его сердце, словно та монета, сжалось от лёгкого волнения. — Это ведь ты велел мне её учить!

Русалке было немного не по себе. Но русалка держалась уверенно.

— Мне просто любопытно, чему именно ты её научил. — Сюй Юань с улыбкой протянул ему монету.

— Я просто научил её... — Эммед потянулся, чтобы взять монету, но его руку перехватили.

Человеческое тепло всегда казалось русалке особенно горячим — а при свечах оно ещё легче пробуждало волнение.

— Мм? Соблазняешь меня? — Эммед приподнял бровь.

Золотые глаза чуть шевельнулись, и их обладатель легонько кивнул. Не нужно было слов — одного этого движения хватило, чтобы Эммед отчаянно захотел шевельнуть хвостом.

Но, увы, на суше это волнение не унять. Оставалось лишь крепче сжать руку того, кто его соблазнял, подняться и сесть к нему на колени. Дыхание приблизилось, сердцебиение передалось через ладонь, прижатую к шее.

— Ты сегодня весь день был занят, — Эммед опустил глаза.

Бранд был занят весь день, и Эммед не видел его целый день.

Хотя дома были и лошади, и разные снадобья, способные скрасить время, тоска от этого не уменьшалась.

— В этом городе у меня не так много знакомых. Чтобы нанести визит, кроме золота нужны ещё время и искренность. — Сюй Юань обхватил его за талию и улыбнулся.

— Угу, это я знаю. — Эммед ничуть не сомневался в его деловых способностях. Он посмотрел на улыбающиеся глаза. — Я о другом.

Улыбка в золотых глазах чуть померкла, затем в них мелькнуло понимание:

— Ты скучал по мне.

— Господин Бранд и правда мастер читать мысли, — руки Эммеда переместились с его плеч на его шею. Но когда он уже готов был поцеловать, его губы мягко остановили, и он услышал тихий вопрос: — Ты так и не сказал, чему ты её научил.

— Ты всё ещё не забыл об этом? — Русалка слегка помрачнела.

— Кроме чердака — чему ещё? — Сюй Юань, видя растерянность в зелёных глазах, крепче обхватил его за талию.

— Я ещё научил её, что можно подвесить человека на дереве... — Эммед посмотрел на него и, тихо выдохнув, похвалил: — Она сначала колебалась, я думал, не решится. Но она оказалась на удивление решительной.

Сюй Юань ничего не сказал, только смотрел на него.

Пальцы Эммеда слегка шевельнулись, взгляд скользнул в сторону.

— Я знаю, ты не хочешь, чтобы она увязла в дрязгах с этими людьми. Но если всё время терпеть поражения, легко погрязнуть в этих чувствах.

— Да, согласен, — тихо рассмеялся обладатель золотых глаз, когда натяжение в его душе почти достигло предела.

— Раз согласен, почему так смотришь? — Эммед немного расслабился, стиснул зубы и, взяв его лицо в ладони, с допросом посмотрел на него.

— Я просто вижу, что ты сделал её очень смелой. — Сюй Юань коснулся его лба и улыбнулся.

Терпение, конечно, тоже способ, но оно размывает смелость, необходимую для открытого противостояния. Если она осмеливается идти на конфликт, то не так легко потеряет силы и будет сломлена.

— И это всё? — У Эммеда зачесалось в кончике сердца, но он приподнял бровь.

Ему казалось, что улыбка этого типа означает не только это.

— А ещё то, что господин Эммед впервые в роли учителя выглядел очень мило, когда волновался. — Сюй Юань погладил его по щеке и улыбнулся.

— Я не волновался... — Голос русалки прозвучал немного легкомысленно.

Он всего лишь беспокоился, что внезапные действия Глории могут привести к неожиданной опасности. Но факт доказал: когда человек не поддаётся эмоциям, его разум особенно ясен.

— Но твой голос дрожал, — тихо рассмеялся обладатель золотых глаз.

— Это я... — Эммед не успел договорить: его встретил долгожданный поцелуй.

Этот негодяй!

<http://bllate.org/book/18299/2272805>